

Лобанова Любовь Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета

Висков Николай Викторович

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета

**О НЕКОТОРЫХ ОБЩЕСТВЕННО
ОПАСНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ
НАРУШЕНИЯ ПРАВА
ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО) НА ЗАЩИТУ [1]****Аннотация:**

Статья посвящена изучению отдельных нарушений права подозреваемого (обвиняемого) на защиту. Анализу подвергаются часто встречающиеся формы таких нарушений либо наиболее опасные из них. Актуальность исследования обусловлена как значимостью данного права в системе конституционных прав личности в целом и в уголовном процессе в частности, так и наличием нерешенных до настоящего времени проблем гарантий его осуществления. Научная новизна работы состоит в том числе в полученных выводах, среди которых заключение о недостаточности имеющихся гарантий реализации права на защиту и необходимости установления уголовной ответственности за самые опасные формы его нарушения. Кроме того, ставится вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности в названном аспекте и адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу.

Ключевые слова:

подозреваемый, обвиняемый, защитник, адвокат, уголовный процесс, право на защиту, гарантии права на защиту, уголовная ответственность.

Lobanova Lyubov Valentinovna

LLD, Professor,
Head of the Criminal Law Department,
Volgograd State University

Viskov Nikolay Viktorovich

PhD in Law, Associate Professor,
Criminal Law Department,
Volgograd State University

**CONCERNING
INJURIOUS-TO-PUBLIC
VIOLATIONS OF
THE DEFENCE RIGHT OF
A SUSPECT (AN ACCUSED) [1]****Summary:**

The paper examines certain violations of the right of the suspect (the accused) to be defended. The widespread and the most injurious violations are analysed. The relevance of the research is determined by the significance of the right of defence in the system of constitutional rights of the personality in general and in the criminal trial in particular as well as by the unsolved problems of guarantees of this right. The scientific novelty of the study consists in identifying the insufficiency of the available guarantees for implementing the right of defence and the need to establish the criminal liability for its most injurious violation. Besides, the authors raise the issue of prosecuting a defence lawyer in the above-mentioned aspect.

Keywords:

suspect, accused, defender, lawyer, criminal trial, right of defence, guarantees of the right of defence, criminal liability.

Более столетия назад правоведы отметили теснейшую связь положения личности в государстве с построением государственного судопроизводства. Например, И.Я. Фойницкий писал, что «при абсолютизме и государственном бесправии личности обвиняемый становится предметом исследования, не имеющим прав стороны, представленным суду как материал по делу; меры судебного принуждения достигают высшего развития, личное задержание обвиняемого и попытка возводятся в общее правило. Напротив, чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе» [2, с. 13]. В свете этого вполне естественным видится факт, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве, построенном на демократических принципах, нашлось место и принципу обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Без соблюдения комплекса прав, составляющих содержание права на защиту, без реализации соответствующих гарантий уголовное судопроизводство не может соответствовать правоохранительному предназначению (ст. 6 УПК РФ). Однако претворение в жизнь правозащитной идеологии УК РФ в науке уголовного процесса рассматривается, судя по публикациям, как одна из самых острых проблем, основной источник которых находится в русле правоприменительной деятельности [3, с. 45; 4, с. 2; 5, с. 47–48].

К сожалению, типичный характер имеет и нарушение права на защиту, допускаемое лицами, на которые законом возложена обязанность данное право обеспечить. Разумеется, субъекты, осуществляющие производство по делу, не всегда не исполняют названную обязанность

умышленно. Нередко несоблюдение требований ст. 16 УПК РФ объясняется забывчивостью правоприменителя, непониманием смысла законоположений. Однако встречаются и случаи явного игнорирования права обвиняемого или подозреваемого на защиту, заключающиеся в целенаправленном лишении указанных участников уголовного процесса тех возможностей, без использования которых право на защиту не может быть реализовано. Поскольку последствия подобных процессуальных правонарушений далеко не всегда оказываются безобидными, эти деяния по уровню общественной опасности вполне сравнимы с преступлениями, что предопределяет уместность постановки вопроса об установлении уголовной ответственности за некоторые проявления нарушения права на защиту.

Обратим внимание на отдельные из таких деяний, вредоносных не только для частных лиц, вовлеченных в сферу правосудия, но и для самого правосудия. Одной из наиболее частых ситуаций является так называемое «навязывание» защитника. «Вначале, – объясняет появление подобной формы воспрепятствования осуществлению права на защиту адвокат С. Фурлет, – оно было обычным противозаконным механизмом обеспечения судопроизводства, в основном относящегося к случаям, когда у привлекаемого к уголовной ответственности лица не было защитника, действующего по соглашению. Впоследствии, под надуманным предлогом борьбы с судебной волокитой при рассмотрении уголовных дел, эта практика приобретает более "усовершенствованную" форму своей незаконной реализации, распространившись и на случаи, когда привлекаемое к ответственности лицо имело защитника по соглашению, но ему судом назначается еще один, "свой" адвокат в качестве второго защитника-дублера» [6, с. 24]. Мы не склонны согласиться с тем, что «двойная защита» во всех случаях является вариантом незаконного сотрудничества суда или лиц, осуществляющих уголовное преследование, с «карманными адвокатами», как это делает названный представитель адвокатской профессии [7, с. 24]. Нередко приглашение защитника по назначению при наличии у обвиняемого избранного им защитника обусловлено краткостью сроков совершения тех или иных процессуальных действий (предъявления обвинения лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, продления срока содержания под стражей или домашнего ареста, рассмотрения апелляционной жалобы на постановление суда о продлении меры пресечения и пр.). Вместе с тем необходимо признать, что во всех ситуациях «навязывание» защитника выступает существенным нарушением права обвиняемого (подозреваемого) на защиту, даже если оно «навязывание» вызвано невозможностью оперативно обеспечить явку защитника по соглашению. Неслучайно естественным результатом подобной замены лица, оказывающего обвиняемому (подозреваемому) квалифицированную помощь, становится заявление подзащитного об отказе от назначенного защитника, которое, как известно, не является обязательным для лица, в производстве которого находится дело.

Следует отдать должное судебным органам России, что они, как правило, относятся к подобному поведению следователей и дознавателей как к существенному отступлению от требований уголовно-процессуального законодательства. Во многом это предопределено правовой позицией Конституционного и Верховного судов РФ. В частности, высший орган конституционного надзора России неоднократно в решениях указывал на то обстоятельство, что приоритет в выборе конкретного защитника по смыслу ст. 50 УПК РФ принадлежит именно подозреваемому (обвиняемому), а не тем лицам, в производстве которых находится дело [8]. Аналогичное мнение в определении от 21.02.2012 г. № 51-О12-4 высказал Верховный суд РФ, который к тому же отметил, что в соответствии с законом при заявлении ходатайства о замене защитника подсудимый не обязан объяснять причину своего недоверия адвокату [9].

Приведенные положения реализуются судами разных инстанций при рассмотрении конкретных уголовных дел. В частности, постановлением Волжского городского суда Волгоградской области от 26.07.2017 г. по уголовному делу по обвинению Г. и К. в совершении ряда преступлений, предусмотренных в ст. 159 УК РФ, был продлен срок содержания под стражей. Постановлением Волгоградского областного суда от 04.08.2017 г. обозначенное постановление отменено, материалы направлены на новое рассмотрение. В качестве одного из доводов к отмене апелляционной инстанция указала следующее. Согласно протоколу судебного заседания обвиняемый К. в судебном заседании заявил, что его защиту осуществляет адвокат по соглашению В., от защиты которого он не отказывался. Из представленного материала также следует, что суд, располагая сведениями о том, что адвокат В. находится в отпуске, назначил К. другого адвоката. Данные о том, что у обвиняемого выяснялось мнение о возможности рассмотрения дела без участия адвоката В. либо ему предлагалось пригласить другого адвоката, в материалах дела отсутствуют. Таким образом, апелляционная инстанция пришла к выводу о нарушении права на защиту, что влечет за собой отмену вынесенного судом постановления [10].

Еще одна весьма распространенная ситуация – неисполнение лицами, осуществляющими производство по делу, обязанности разъяснить обвиняемому (подозреваемому) его права и обязанности, а равно обеспечить ему возможность защититься всеми не запрещенными уголовно-

процессуальным законом средствами. Указанная обязанность должностных лиц закреплена в ч. 2 ст. 16 УПК РФ. Кроме того, все ключевые моменты производства по уголовному делу, наиболее существенным образом затрагивающие законные интересы привлекаемого к уголовной ответственности лица, предполагают разъяснение названным частным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений принадлежащих им прав (ч. 6 ст. 47, ч. 1 ст. 92, ч. 6 ст. 108, ч. 4 ст. 125, ч. 2 ст. 172, ч. 3 ст. 218, ст. 267 и др. УПК РФ).

Неисполнение соответствующих предписаний закона судом, следователем, прокурором или дознавателем на практике справедливо рассматривается как нарушение права на защиту. Например, постановлением Кировского районного суда г. Волгограда от 15.04.2014 г. уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 105 УК РФ, было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с нарушением права на защиту по тому основанию, что по окончании ознакомления с материалами дела обвиняемому не были разъяснены его права в порядке, установленном в ст. 218 УПК РФ: подпись обвиняемого в соответствующем протоколе отсутствовала. Примечательно, что в дальнейшем областной суд отклонил доводы апелляционного представления прокурора, указывавшего на разъяснение прав обвиняемому его защитником-адвокатом, сославшись в том числе на то обстоятельство, что соответствующая обязанность возложена уголовно-процессуальным законом именно на следователя [11].

По аналогичным основаниям постановлением Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 03.04.2013 г. уголовное дело в отношении Х., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных в ч. 4 ст. 159, п. «б», ч. 2 ст. 174.1 УК РФ, также возвращено прокурору. Апелляционным постановлением Волгоградского областного суда от 24.05.2013 г. названное постановление оставлено в силе [12].

Не менее редким является и нарушение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту при производстве разного рода экспертиз. Так, в ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователю предписано ознакомить подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с постановлением о назначении экспертизы и разъяснить им права, предусмотренные в ст. 198 УПК РФ (включая права заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту и т. д.). Однако нередко следователи знакомят подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с данным постановлением в момент ознакомления с полученным заключением эксперта (экспертов). В этом случае право подозреваемого (обвиняемого) на защиту также неизбежно нарушается. В подобных условиях участники процесса со стороны защиты фактически отстранены от процесса назначения экспертизы [13, с. 49].

Как нарушение принципиальных положений уголовно-процессуального закона характеризует такого рода ситуацию Конституционный суд России. В соответствии с правовой позицией данного органа, высказанной в определении от 18.06.2004 г. № 206-О, ознакомление с постановлением о назначении экспертизы по смыслу статей 195, 198 УПК РФ, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы – иначе подозреваемый, обвиняемый, защитник лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные в ст. 198 УПК РФ [14]. Конституционный суд при этом исходит из того, что обозначенное в ч. 3 ст. 195 УПК РФ требование о необходимости ознакомления участников процесса с постановлением о назначении экспертизы и разъяснении им прав, предусмотренных в ст. 198 УПК РФ, распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

Как и во многих других ситуациях существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемых в процессе собирания доказательств, способом восстановления нарушенного права здесь должен служить механизм, предусмотренный в ст. 75 УПК РФ. Он позволяет признать недопустимым доказательство, полученное с нарушением требований закона.

Например, по уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного в ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 303, ч. 1 ст. 327 УК РФ, обвиняемый и его защитник были одновременно ознакомлены как с постановлением о назначении почерковедческой экспертизы, так и с ее результатами. По ходатайству защитника соответствующее заключение постановлением начальника следственного органа признано недопустимым доказательством [15].

Еще в одном подобном случае ходатайство защитника по уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 199 УК РФ, о признании полученной при названных обстоятельствах судебно-бухгалтерской экспертизы недопустимым доказательством следователем оставлено без удовлетворения. Однако постановлением прокурора экспертиза из числа доказательств была исключена, дело возвращено для производства дополнительного расследования [16].

Для всех приведенных примеров общим является следующий момент. Нарушение права на защиту не повлекло за собой вынесение несправедливого приговора, во всех случаях права участников процесса со стороны защиты так или иначе восстанавливались. Однако не следует забывать, что осуждение невиновного – это не единственное общественно опасное последствие, которое может наступить в результате ущемления права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. В подавляющем большинстве ситуаций нарушения и ликвидация их последствий связаны со значительными затратами материальных, человеческих и прочих ресурсов: возникает необходимость повторного совершения процессуальных действий, затягиваются сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, страдают личные и имущественные интересы иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, более того, недостижимыми оказываются и сами цели правосудия. В частности, в последнем примере проведение повторной судебно-бухгалтерской экспертизы настолько затянуло расследование, что в итоге дело было прекращено за истечением срока давности и виновный не был привлечен к уголовной ответственности.

Таким образом, нарушение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту чревато различными губительными для правосудия последствиями. Вред от таких посягательств претерпевают не только граждане, но и государство.

Сказанное дает основание для утверждения о недостаточности одних лишь процессуальных средств для реагирования на подобные формы поведения должностных лиц, от которых зависит реализация принципа обеспечения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту. Видимо, существуют немалые трудности для использования в такого рода обстоятельствах мер уголовной ответственности, в частности известной своим общим характером статьи 285 УК РФ, рассчитанной на довольно широкий круг должностных злоупотреблений. Вопрос о ее применении не обсуждается даже в тех случаях, когда не возникает сомнений относительно личной заинтересованности должностного лица, проигнорировавшего требования процессуального закона, гарантирующие обвиняемому и подозреваемому право на защиту. Например, один из следователей, не успев вовремя продлить сроки следствия в установленном УПК РФ порядке, и в первую очередь в целях предотвращения освобождения обвиняемого из-под стражи, направил уголовное дело с обвинительным заключением прокурору, согласовав это с руководителем следственного органа (ч. 6 ст. 220 УПК РФ) без ознакомления обвиняемого с материалами дела и при этом заведомо зная, что последнее будет возвращено для производства дополнительного расследования с установлением соответствующего срока [17]. Вряд ли кто-то сможет отрицать тот факт, что тем самым должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, существенно нарушили право на защиту и злоупотребили должностным положением. Причем следователь поступил таким образом, руководствуясь отнюдь не производственными мотивами. Однако ни сам следователь, ни руководитель следственного органа, согласившийся с направлением уголовного дела прокурору, не понесли никакой ответственности.

Однако, если в отношении лиц, осуществляющих производство по делу, в подобных ситуациях хотя бы можно обсуждать вопрос о применении к ним статьи 285 УК РФ, то вряд ли это допустимо по отношению к адвокату. Как убедительно обосновано в научной литературе, «признаки особого статуса адвоката и осуществляемой им профессиональной деятельности не позволяют определить его в качестве служащего» [18, с. 13]. Следовательно, поведение защитника, каким бы незаконным оно ни было и какие бы негативные последствия ни влекло, не обладает свойствами злоупотребления служебными полномочиями.

Между тем, как ни парадоксально это звучит, нарушение защитником права обвиняемого (подозреваемого) на защиту является наиболее опасным видом подобного нарушения, поскольку именно у защитника ввиду его доверительных отношений с подзащитным имеется самый широкий спектр возможностей для причинения вреда обвиняемому или подозреваемому. К сожалению, существующие правовые средства воздействия на адвокатов оказываются недостаточно эффективным сдерживающим фактором для того, чтобы удержать недобросовестных адвокатов от использования таких возможностей.

В частности, ключевой составляющей отношений адвоката и доверителя является понятие адвокатской тайны. В специальной литературе подчеркивается, что оказание качественной юридической помощи невозможно без полного раскрытия клиентом всех сведений, а последнее в свою очередь осуществимо только при уверенности клиента в защищенности сообщаемой информации

[19, р. 1]. В связи с этим Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ в ст. 6 предписывает защитнику хранить в тайне сведения, ставшие известными в ходе оказания юридической помощи [20]. Поэтому и названный закон (ст. 8), и УПК РФ (п. 2, 3 ч. 3 ст. 56) предусматривают для адвоката свидетельский иммунитет относительно допроса об обстоятельствах, ставших ему известными при оказании юридической помощи.

Несмотря на это, встречаются случаи, когда адвокаты, действуя вразрез с требованиями закона соблюдать профессиональную тайну, дают показания в отношении своих доверителей, направленные на изобличение последних. В частности, по уголовному делу по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных в ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 303, ч. 1 ст. 330 УК РФ, была допрошена ее адвокат Б., которая, действуя из личной заинтересованности, дала показания, подтверждающие причастность Л. к инкриминируемым преступлениям. При этом соответствующая информация была сообщена Б. именно в связи с оказанием ею юридической помощи Л. [21]. Справедливости ради стоит отметить, что за указанный проступок решением Совета адвокатской палаты Волгоградской области Б. был прекращен статус адвоката, а протокол соответствующего допроса в дальнейшем признан судом недопустимым доказательством. Однако подобные меры представляются не вполне адекватными уровню общественной опасности допущенного адвокатом нарушения права обвиняемого на защиту. По вредоносным качествам «лжезащита» вполне сравнима с фальсификацией доказательств, неправомерным отказом от дачи свидетельских показаний. Однако уголовной ответственности для подобного отклонения от процессуальной функции защиты не предусмотрено.

На страницах юридической и периодической печати приводится немало других красноречивых примеров адвокатской нечистоплотности, напоминающей асоциальными свойствами криминальное поведение, однако влекущих лишь дисциплинарную ответственность. Один из таких примеров приводит адвокат Н.С. Гаспарян. «Адвокат Н., заключив договор на защиту на предварительном следствии с П., ни разу не встречался со своим подзащитным наедине и не согласовывал позицию, – описывает ситуацию автор. – При проведении допросов своего подзащитного в качестве подозреваемого и обвиняемого, очных ставок с потерпевшим и свидетелями не задал ни одного вопроса, хотя его подзащитный вину не признавал, в ходе досудебного производства не заявил ни одного ходатайства, в том числе после ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. На предложения П. запросить документ, подтверждающий его невиновность, адвокат ответил отказом, объясняя это тем, что ответа ему все равно не дадут. Согласно объяснению П. в жалобе, адвокат ознакомился с материалами двухтомного уголовного дела 5 минут и затем ушел» [22]. Еще один пример предательства защитником клиента приводится на страницах статьи Р.Г. Мельниченко. «Сотрудники милиции, – отмечается в работе, – сообщили задержанному А., что привели для него адвоката Ф., и пригрозили, что если он будет упрямиться и отказываться от этого адвоката, то его вновь будут пытаться электрошоком. Задержанный А. сообщил адвокату Ф., что у него есть адвокат, и попросил позвонить им. Однако адвокат Ф. сказал, что он также адвокат и сможет обеспечить его защиту. На сообщение клиента о том, что его избил работник милиции, адвокат Ф. лишь улыбался и говорил, что все заживет» [23]. Ни Н.С. Гаспарян, ни Р.Г. Мельниченко не ставят вопрос об уголовной ответственности адвоката-защитника за такого рода профессиональное правонарушение. Однако подобный вопрос назрел.

В заключение подведем некоторые итоги.

1. Право обвиняемого и подозреваемого на защиту является обязательным атрибутом уголовного процесса, построенного на демократических принципах.

2. Вместе с тем российская действительность такова, что нарушение указанного основополагающего права центрального участника уголовного судопроизводства следует признать типичным явлением. Формы навязывания неугодного защитника, отстранение стороны защиты от участия в процессе назначения экспертизы, неисполнение должностными лицами, осуществляющими производство по делу, обязанности разъяснить обвиняемому (подозреваемому) его права, а также другие подобные нарушения гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) отнюдь не единичны.

3. Дисциплинарные и процессуальные средства реагирования на нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту не являются адекватными уровню общественной опасности такого рода поведения лиц, от которых зависит реализация прав участников уголовного процесса. Отмена процессуальных решений, признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона, не способны нейтрализовать все вредные последствия, которые влечет за собой нарушение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту (затягивание процесса, потеря материальных и трудовых ресурсов, причинение моральных страданий и неудобств участникам

процесса, необходимость прекращения уголовных дел за давностью, понижение авторитета правоохранительных органов и т. п.). Существенный вред от таких нарушений претерпевают не только граждане, но и государство.

4. Судя по всему, общий состав должностных злоупотреблений не является панацеей от нарушений права обвиняемого на защиту, скорее, ввиду неоднозначности понимания правоприменителем отдельных признаков соответствующей законодательной конструкции. К тому же применение статьи 285 УК РФ исключается в случаях умышленного неисполнения обязанности по осуществлению защиты, принятой на себя адвокатом. Между тем у адвоката имеется весьма широкий спектр возможностей для нарушения права на защиту в связи с особыми доверительными отношениями с подзащитным. Распространившиеся случаи предательства защитниками клиентов, а также пассивной защиты, результатами которой выступают существенные нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на получение квалифицированной юридической помощи, служат весомым аргументом в пользу оценки вопроса о необходимости установления уголовной ответственности за нарушение права на защиту как злободневного.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 17-03-00798).
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1996.
3. Нисневич К.М. Процессуальные гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Колоколов Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 2–3.
5. Кирьянов А.Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации. Самара, 2009.
6. Фурлет С. Об ответственности за вмешательство в адвокатскую деятельность и воспрепятствование законной деятельности адвоката // Московский адвокат. 2016. № 1. С. 23–28.
7. Там же. С. 24.
8. Определение Конституционного суда РФ от 29 мая 2012 г. № 1014-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2012. № 7 ; Постановление Конституционного суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // Там же. 1996. № 2 ; Постановление Конституционного суда РФ от 28 янв. 1997 г. № 2-П // Там же. 1997. № 1.
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 21 февр. 2012 г. № 51-О12-4 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 6.
10. Дело № 1-704/2017 // Арх. Волжского городского суда Волгоградской обл.
11. Дело № 1-99/2014 // Арх. Кировского районного суда г. Волгограда.
12. Дело № 1-90/2013 // Арх. Ворошиловского районного суда г. Волгограда.
13. Тарасов А.А. Судебная экспертиза по уголовным делам: спорные вопросы назначения, производства и оценки заключения эксперта. Самара, 2008.
14. Определение Конституционного суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2004. № 9.
15. Дело № 1-86/2010 // Арх. Центрального районного суда г. Волгограда.
16. Дело № 380773 // Арх. ОП-2 УМВД России по г. Волжский.
17. Дело № 1-17/2016 (1-937/2015) // Арх. Волжского городского суда Волгоградской обл.
18. Рожнов А.П. Воспрепятствование правосудию (ст. 294 УК РФ) – дефект законотворчества или ошибки правореализации // Актуальные проблемы обеспечения интересов правосудия : сборник научных статей / науч. ред. Л.В. Лобанова. Волгоград, 2012.
19. Greenwald D.M., Slachetka M.L. Protecting Confidential Legal Information: A Handbook for Analyzing Issues Under The Attorney-Client Privilege and the Work Product Doctrine. Chicago, 2015. 441 p.
20. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : в ред. от 29 июля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Дело № 1-19/2016 // Арх. Центрального районного суда г. Волгограда.
22. Гаспарян Н.С. Пассивная защита нарушает права граждан // Бизнес-адвокат. 2005. № 24. С. 6–11.
23. Мельниченко Р.Г. Лжезащита – первый состав преднамеренного правонарушения адвоката // Уголовное право. 2011. № 1. С. 105–110.